

Японские исследователи российских коллекций из Центральной Азии

Таката Токио (高田時雄)

В 1960 г. участникам Международного конгресса востоковедов в Москве была предложена экскурсия в Ленинград. Во время этой поездки два китаиста (один был из западной страны, другой из восточной) посетили Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР (ныне ИВР РАН) и открыли для себя коллекцию рукописей из Дуньхуана, о которой прежде за рубежом почти ничего не было известно. Гостям сообщили, что общее число дуньхуанских рукописей, хранящихся в Институте, достигает десяти тысяч единиц хранения. О составе коллекций рукописей из Дуньхуана в Париже и Лондоне им было хорошо известно, но они не могли предположить, что такое их количество хранится в России. Этот визит состоялся 14 августа 1960 г., а китаистами, посетившими ЛО ИНА, были Поль Демьевиль (1894—1979) из Франции и Ёсикава Кōдзирō 吉川幸次郎 (1904—1980) из Японии, участвовавшие в работе секции китайской филологии Международного конгресса востоковедов в Москве. Так впервые после Второй мировой войны зарубежные ученые получили информацию о российской дуньхуанской коллекции¹. Кроме них профессор МиядзакИ Итисада 宮崎市定 (1901—1995) из Киотоского университета и профессор Ямамото Тацурō 山本達郎 (1910—2001) из Токийского университета, работавшие на Конгрессе в секции истории Китая, также

¹ П. Демьевиль впервые привел краткие сведения о коллекции российских дуньхуанских рукописей в своем сообщении о Международном конгрессе востоковедов (Demiéville, P. Chronique: Le XXVe congrès international des orientalistes // T'oung Pao. Vol. 47. Livr. 3—5. 1959. P. 426—429). После выхода в свет «Описания китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии» (Вып. 1—2. М., 1963, 1967), он опубликовал рецензию с более подробной информацией (Demiéville, P. Manuscrits Chinois de Touen-houang à Leningrad // T'oung Pao. Vol. 51. Livr. 4—5. 1964. P. 355—376). Ёсикава также опубликовал заметку о Конгрессе и о своем посещении Ленинграда (Ёсикава Кōдзирō. 東洋學者會議出席報告 Тōё гакуса кайги сюссэки хōкоку (Сообщение о Конгрессе востоковедов) // 東方學會報 Тōхō гаккайхō (Известия общества востоковедов). 1961, январь; Он же. 泰西風物: レニングラード Тайсэй фубуцу: Рэнингурāдо (Картины Запада: Ленинград) // 新潮 Синтё (Новый прилив). 1961, май. Обе эти статьи были перепечатаны в сборнике: 西方からの關心 Сэйхō-кара-но кансин (Интерес, идущий с Запада). Токио, 1961. Затем они были включены в 19 том «Полного собрания сочинений Ёсикавы Кодзиро» (吉川幸次郎全集 Ёсикава Кōдзирō дзэнсū): Токио, 1969. С. 376, 396—397.

Japanese Researchers of Russian Collections from Central Asia

Takata Tokio (高田時雄)

In 1960 the participants in the International Congress of Orientalists in Moscow were offered an excursion to Leningrad. During the trip, two Sinologists (one of them from a western country, the other from the East) visited the Leningrad Branch of the Institute of the Peoples of Asia of the USSR Academy of Sciences (now the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences) and discovered for themselves the collection of manuscripts from Dunhuang, of which nearly nothing had been previously known abroad. The guests were told that the total number of manuscripts from Dunhuang reached ten thousand inventory items. The scholars were well aware of the content of the Dunhuang manuscripts collections in Paris and London, but they could hardly conceive that such a large number of them were kept in Russia. The above visit took place on 14 August 1960, and the visiting Sinologists were Paul Demiéville (1894—1979) from France and Yoshikawa Kōjirō 吉川幸次郎 (1904—1980) from Japan, who took part in the work of the Chinese Philology section of the International Congress of Orientalists in Moscow. That was how, for the first time after World War II, foreign scholars received information about the Russian Dunhuang collection¹. Besides the two scholars, an opportunity to see the Dunhuang manuscripts in Leningrad was given to Professor Miyazaki Ichisada 宮崎市定 (1901—1995) from Kyoto University and Professor Yamamoto Tatsurō 山本達郎 (1910—

¹ P. Demiéville first gave a brief information about the Russian collection of Dunhuang manuscripts in his note about the International Congress of Orientalists. See Demiéville, P. "Chronique: Le XXVe congrès international des orientalistes." *T'oung Pao*. Vol. 47 (1959), livr. 3—5, pp. 426—429. After the appearance of the *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia* (Issues 1—2, M., 1963; 1967), he published a review with more detailed information: Demiéville, P. "Manuscrits Chinois de Touen-houang à Leningrad." *T'oung Pao*. Vol. 51 (1964), livr. 4—5, pp. 355—376. Yoshikawa also published an article about the Congress and his visit to Leningrad. See Yoshikawa Kōjirō. 東洋學者會議出席報告 Тōё гакуша кайги шусэки хōкоку (*News about the Congress of Orientalists*) // 東方學會報 Тōхō гаккайхō (*News of Orientalists' Society*). 1961, January; Yoshikawa Kōjirō. 泰西風物: レニングラード Taisei fūbutsu: Reningurādo (*Pictures of the West: Leningrad*) // 新潮 Shinchō (*New Tide*). 1961, May. Both articles were reprinted in the collection: Seihō-kara-no kanshin 西方からの關心 (*Interest Coming from the West*. Tokyo, 1961), and were later included in vol. 19 of Yoshikawa Kōjirō *Complete Works* (吉川幸次郎全集 Yoshikawa Kōjirō zenshū. Tokyo, 1969, pp. 376, 396—397).

получили возможность увидеть дуньхуанские рукописи в Ленинграде. Ямамото сразу же после возвращения на родину на конференции Японского исторического общества (史學會 Сигакай) сделал сообщение «Десять учетных документов, обнаруженных в Дуньхуане Ольденбургом и Пеллио»².

Известие о российской дуньхуанской коллекции мгновенно распространилось в научном сообществе Японии, где дуньхуановедение было одной из ведущих отраслей науки. Как раз тогда были приобретены фотографии коллекции рукописей Стейна из Лондона, и со второй половины 1950-х гг. исследования в данной сфере стали еще более активными. Информация о российской дуньхуанской коллекции, привезенной С.Ф. Ольденбургом, вызвала интерес всех японских ученых без исключения. Фудзиэда Акира 藤枝晃 (1911—1998) из Киотоского университета был в то время ведущим дуньхуановедом Японии. Он сразу же внес в план своих научных командировок на осень 1964 г. Ленинград, помимо Лондона и Парижа. Весной того же года Фудзиэда установил контакт с Л.Н. Меньшиковым, главой дуньхуанской группы в ЛО ИНА, и получил от него любезное приглашение. Фудзиэда прибыл в Ленинград 12 сентября и на десять с лишним дней полностью погрузился в изучение дуньхуанских материалов³.

За месяц до визита Фудзиэды еще один японский ученый, Огава Тамаки 小川環樹 (1910—1993) из Киотоского университета, участвовавший в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических исследований (Москва, 3—10 августа 1964 г.), также побывал в Ленинграде и ознакомился с коллекцией дуньхуанских рукописей Ольденбурга и тангутской коллекцией Козлова благодаря содействию Л.Н. Меньшикова⁴. За короткий срок, проведенный в Ленинграде, Огава скопировал в свою тетрадь несколько дуньхуанских документов, в т. ч. фрагмент свитка «Глоссы Шицзин» (毛詩音 «Мао ши инь»), который позже был использован Хираямой Хисао 平山久雄 в его фундаментальном исследовании по фонологии⁵.

2001) from Tokyo University. Immediately upon his return to Japan, Professor Yamamoto made a report *Ten Household and Landholding Records Discovered in Dunhuang by Oldenburg and Pelliot* at the meeting of the Historical Society of Japan (史學會 Shigakkai)².

The news of the Russian Dunhuang collection instantly spread across the scholarly community of Japan, where the study of the Dunhuang heritage was one of the leading branches of Oriental studies in general. It was then that the photographs of Stein's manuscript collection were bought in London, and consequently research in this field became particularly active in the second half of the 1950s. The information of the Dunhuang collection brought to Russia by S.F. Oldenburg stirred the interest of all the Japanese scholars without exception. Fujieda Akira 藤枝晃 (1911—1998) from Kyoto University was the leading scholar in the field of Dunhuang studies in Japan. He immediately put Leningrad on the list of his academic visits scheduled for the autumn of 1964 in addition to London and Paris. In the spring of the same year he got in touch with L.N. Menshikov, Head of the Dunhuang group in the Leningrad Branch of the Institute of the Peoples of Asia, and received a warm invitation from him. Fujieda arrived in Leningrad on 12 September 1964, immersing himself for over ten days in the study of the Dunhuang materials³.

A month before Fujieda's visit, another Japanese scholar, Ogawa Tamaki 小川環樹 (1910—1993) from Kyoto University, who had participated in the 7th International Congress of Anthropology and Ethnography (Moscow, 3—10 August, 1964), also arrived in Leningrad and familiarized himself, owing to L.N. Menshikov's assistance, with the collection of Oldenburg's Dunhuang manuscripts and Kozlov's Tangut collection⁴. During the short period spent by Ogawa in Leningrad, he copied into his notebook several Dunhuang documents, including a fragment of the *Phonetic Glosses to the Shijing* scroll (毛詩音 Maoshiyin), which was subsequently used by Hirayama Hisao 平山久雄 in his detailed research on phonology⁵.

² Основные положения доклада были опубликованы, см.: 史學雜誌 Сигаку дзасси (Исторический журнал). 1960, № 12. С. 90—91.

³ Фудзиэда Акира. レニングラードの東洋學アルヒーフ Рэннингурāдо-но тōёгаку арухиёву (Архив востоковедения в Ленинграде) // 圖書 Тосё (Книга). 1966, январь. С. 37—40.

⁴ Огава Тамаки. レニングラードのこと Рэннингурāдо-но кото (О Ленинграде) // 圖書 Тосё (Книга). 1965, январь. Позже эта работа была включена в сборник: 談往閑語 Дан'ō канго (Непринужденные беседы о древности). Токио, 1987, см. также: 小川環樹著作集 Огава Тамаки тэсакусё (Собрание сочинений Огавы Тамаки). Т. 5. Токио, 1997. С. 453—458.

⁵ Хираяма Хисао. 敦煌毛詩音殘卷反切の研究 Tonkō Mōshion dankan hansetsu-no kenkyū (Изучение *фаньце* по сохранившемуся свитку «Глоссы Шицзин» из Дуньхуана). Ч. I // 北海道大學文學部紀要 Хоккайдō дайгаку бунгакубу киё (Ученые записки филологического факультета университета Хоккайдо). Т. 14, № 3 (1966).

² The main points of the report were published, see: 史學雜誌 Shigaku Zasshi (*The Historical Journal*). 1960, No 12, pp. 90—91.

³ Fujieda Akira. レニングラードの東洋學アルヒーフ Reningurādo-no tōyōgaku aruhifu (*Oriental Archives in Leningrad*) // 圖書 Toshō (*Book*). 1966, January, pp. 37—40.

⁴ Ogawa Tamaki. レニングラードのこと Reningurādo-no koto (*About Leningrad*) // 圖書 Toshō (*Book*). 1965, January. Later this article was included in the collection: 談往閑語 Dan'ō kango (*Personal Talks on the Past*). Tokyo, 1987; see also: 小川環樹著作集 Ogawa Tamaki chosakushū (*Collected Works of Ogawa Tamaki*). Vol. 5. Tokyo, 1997, pp. 453—458.

⁵ Hirayama Hisao. 敦煌毛詩音殘卷反切の研究 Tonkō Mōshion zankan hansetsu-no kenkyū (*Studies of 'fanqie' contained in the Dunhuang fragments of Maoshiyin*), Part I // 北海道大學文學部紀要 Hokkaidō daigaku bungakubu kiyō (*The Annual Report on Literature, Philological Faculty, Hokkaido University*). Vol. 14, No 3 (1966).

За год до этого вышел первый том «Описания китайских рукописей дуньханского фонда ИНА»⁶, и некоторые документы были опубликованы факсимиле⁷. Благодаря этому российская коллекция дуньханских рукописей стала известна специалистам во всем мире, и в 1970—1980-х гг. многие зарубежные исследователи посетили Ленинград. Общее количество японских ученых, знакомившихся с коллекцией, в это время также стало возрастать. Фудзиеда в 1970 г. вновь отправился в Ленинград. В 1992 г. Шанхайское издательство «Древняя книга» («Гуцзи») приступило к изданию «Дуньханских рукописей, хранящихся в России» (俄藏敦煌文献 Э кан Дуньхуан вэньсянь. Т. 1—17, Шанхай. 1994—2000), и острая необходимость специально ездить в Россию для знакомства с дуньханскими документами отпала. Однако вплоть до настоящего времени японские ученые продолжают посещать Санкт-Петербург с целью знакомства с подлинниками рукописей.

Дуньхановедение является важнейшей частью китаеведения и востоковедения Японии, оно всегда привлекало здесь особое внимание ученых. И поэтому вполне закономерно, что «повторное открытие» коллекции дуньханских рукописей в российских собраниях в 1960 г. произвело в Японии сенсацию. При этом нельзя считать, что японским ученым раньше ничего не было известно о рукописях, привезенных в Россию экспедицией С.Ф. Ольденбурга. Даже наоборот, роль японских ученых в ее изучении до Второй мировой войны была довольно значительной. Ниже мы вкратце расскажем, в чем она состояла.

Прежде всего следует упомянуть Кано Наоки 狩野直喜 (1867—1947), который в конце периода Мэйдзи (1867—1912) во вновь созданном Киотоском университете преподавал китайскую литературу и философию. Он и его коллега, историк Найтō Торазирō 内藤虎次郎 (1866—1934) в это время поддерживали тесный контакт с китайскими учеными Ло Чжэнь-юем (1866—1940) и Ван Го-вэем (1877—1927),

Кано Наоки
 Kano Naoki

A year earlier, the first volume of the *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*⁶, and some documents were published in facsimile⁷. Due to this fact, the Russian collection of the Dunhuang manuscripts became familiar to specialists the world over, and, consequently, in the 1970s—1980s quite a few foreign scholars paid visits to Leningrad. The number of Japanese scholars studying the collection was going large at that time. In 1970 Fujieda made another trip to Leningrad. In 1992 the Shanghai Chinese Classics (*Guji*) Publishing House began work on the project *The Dunhuang Manuscripts in Russian Collections* (俄藏敦煌文献 E cang Dunhuang wenxian. Vols. 1—17. Shanghai, 1994—2000),

so there was not any longer a dire need to go to Russia to get acquainted with the Dunhuang documents. Nevertheless, to this day Japanese scholars continue to visit St. Petersburg expressly to see the originals of the manuscripts.

In Japan Dunhuang studies are the most important field of Chinese and Asian studies in general, so they have always attracted a special attention on the part of the scholars. It is therefore but natural that the “re-discovery”, in 1960, of the Dunhuang manuscripts in the Russian collections made a stir in Japan. At the same time, it should not be assumed that Japanese scholars had no knowledge about the manuscripts brought to Russia by S.F. Oldenburg’s expedition. In fact, Japanese scholars had played a fairly significant role in studying them before World War II. Below we are giving a brief description of this role.

We should first mention Kano Naoki 狩野直喜 (1867—1947), who taught Chinese literature and philosophy in Kyoto

⁶ Воробьева-Десятовская М.И., Гуревич И.С., Меньшиков Л.Н., Спирин В.С., Школяр С.А. Описание китайских рукописей дуньханского фонда Института народов Азии. Вып. 1. М., 1963; Воробьева-Десятовская М.И., Зограф И.Т., Мартынов А.С., Меньшиков Л.Н., Смирнов Б.Л. Описание китайских рукописей дуньханского фонда Института народов Азии. Вып. 2. М., 1967.

⁷ Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы *суэньсюэ*. Издание текстов и предисловие Л.Н. Меньшикова. М. 1963; Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений». (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньханского фонда Института народов Азии). Издание текста, предисл., пер. и коммент. Л.Н. Меньшикова. М., 1963.

⁶ Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Gurevich, I.S., Menshikov, L.N., Spirin, V.S., Shkolyar, S.A. *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*. Issue 1. M., 1963; Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Zograf, I.T., Martynov, A.S., Menshikov, L.N., Smimov, B.L. *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*. Issue 2, M., 1967.

⁷ *Chinese Manuscripts from Dunhuang. Monuments of 'suwenxue' Buddhist Literature*. Publication of the texts and introduction by L.N. Menshikov. M., 1963; *The 'Bianwen' about Weimojie. The Bianwen 'Ten Auspicious Signs'*. Unknown *bianwen* manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia. Publication of the text, introduction, translation and comments by L.N. Menshikov. M., 1963.

которые, скрываясь от лихолетья революции, нашли приют в Киото. Все они внесли большой вклад в развитие и распространение дунхуановедения. Осенью 1912 г. Кано отправился в Европу для исследования дунхуанских рукописей в европейских собраниях и по пути посетил Санкт-Петербург. Он воспользовался этим визитом, чтобы ознакомиться с коллекцией, доставленной П.К. Козловым из Хара-Хото. В открытом письме коллегам в Киото Кано сообщил, что помимо рукописей на тангутском языке, в коллекции из Хара-Хото имеются китайские материалы. Он дал им высокую оценку, отметив, что их «научная ценность может быть сопоставима с дунхуанскими рукописями». В частности, он упоминал такие сунские ксилографические издания, как «Ле-цзы», «Чжуан-цзы» с комментарием Люй Хуэй-цина, «Лю Чжи-юань чжугундяо» (劉知遠諸宮調)⁸. Кроме того, Кано сообщал о множестве замечательных буддийских изображений, а о напечатанной в Пинъяне гравюре, изображающей четырех красавиц древности («Пинъян цзицзя дяоинь» 平陽姬家彫印) написал, что она «имеет высочайшую ценность»⁹. Он привез в Японию фотографии этих материалов. В России Кано много общался с А.И. Ивановым и В.М. Алексеевым, а также познакомился с В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом.

В 1928 г. по случаю юбилея Кано В.М. Алексеев передал ему фотокопии «Лю Чжи-юань чжугундяо» и «Литератур-

University newly-established at the end of the Meiji period (1867–1912). He and his colleague, the historian Naitō Torajirō 内藤虎次郎 (1866–1934) maintained close contacts with the Chinese scholars Luo Zhen-yu (1866–1940) and Wang Guo-wei (1877–1927), who had fled from the turmoil of the revolution and found refuge in Kyoto. They all made a large contribution in the development and propagation of Dunhuang studies. In the autumn of 1912, Kano went to Europe to study Dunhuang manuscripts in European collections and on his way there visited St. Petersburg. He used the opportunity of the visit to get acquainted with the collection brought by P.K. Kozlov from Khara-Khoto. In an open letter to his Kyoto colleagues, Kano reported that in addition to monuments in Tangut, the collection from Khara-Khoto contained Chinese materials as well. He appraised them highly, remarking that “their scientific value might be comparable with that of the Dunhuang manuscripts.” He meant in particular such texts as the Song block-printed editions of *Lie-zi*, *Zhuang-zi* with the commentary by Lü Hui-qing and *Liu Zhi-yuan zhugongdiao* (劉知遠諸宮調)⁸. Besides, Kano mentioned a large number of remarkable Buddhist images, whereas referring to the engraving printed in Pingyang (‘Pingyang jijia diaoyin’ 平陽姬家彫印) and representing the four beauties of the past, Kano stressed “its highest value”⁹. He took to Japan photographs of those materials. In Russia Kano frequently met

⁸ Кано Наоки. 海外通信 (一) Кайгай цүсин (1) (Письма из-за границы. I) // 藝文 Гэйбун (Искусство и литература). № 1, 1913, январь. Позже письмо было переиздано в сборнике 支那學文叢 Синагаку бунсё (Китайская филология). Токио, 1973. С. 332–335. Перечисленные Кано источники, за исключением «Ле-цзы», упоминаются в издании: Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото. (Фонд П.К. Козлова). Прил. сост. Л.И. Чугуевский. М., 1984. С. 291–294, 302–303, 309–310 (№№ 260, 274, 280). Странно, что сочинение «Ле-цзы» не включено в данное описание; возможно, Кано перепутал его с «Чжуан-цзы» с комментарием Го Сяна (№ 261).

⁹ Гравюра была воспроизведена в качестве фронтисписа с комментариями Уэда Дзюдзё 植田壽藏 (1886–1973) в журнале: 藝文 Гэйбун (Искусство и литература), № 3. 1916, март. Негативы фотографий в настоящее время хранятся в Институте гуманитарных исследований Киотского университета (京都大學人文科學研究所). Искусствоведческое исследование гравюры опубликовано: Таки Сэйити 瀧精一 (1873–1945). 黒城發掘の古版畫 Кокудзё хаккуцу-но коханга (Древние гравюры, обнаруженные в Хара-Хото) // 國華 Кокка (Гордость нации), № 349. 1919, декабрь. Таки Сэйити достаточно рано обратил внимание на эти гравюры и много внимания уделил их изучению. См. Таки Сэйити. 中亞の發掘品と我淨土教美術の起源 Тюа-но хаккуцухин-то вага дзёдоке бидзюцу-но кигэн (Находки при раскопках в Центральной Азии и происхождение изобразительного искусства буддийской школы Чистой Земли) // 國華 Кокка (Гордость нации), № 296. 1915, январь; он же. 黒城發掘来迎圖 Кокудзё хаккуцу райгёдзу (Гравюры, привезенные с раскопок Хара-Хото) // 國華 Кокка (Гордость нации), № 296. 1915, январь.

⁸ Kano Naoki. 海外通信 (一) Kaigai tsūshin (1) (*Letters from Abroad, I*) // 藝文 Geibun (*Art and Literature*). No 1, 1913, January. Later the letter was reprinted in: 支那學文叢 Shinagaku bunsō (*Collection of Sinological Essays*). Tokyo, 1973, pp. 332–335. The sources listed by Kano, except for *Lie-zi*, are mentioned in: Menshikov, L.N. *Description of the Chinese Part of the Collection from Khara-Khoto*. (Fond P.K. Kozlova). Appendices comp. by L.I. Chuguyevsky, M., 1984, pp. 291–294, 302–303, 309–310 (Nos 260, 274, 280). Strange enough, *Lie-zi* is not included in this description, as Kano might have confused it with *Zhuang-zi* with the commentary by Guo Xiang (No 261).

⁹ The engraving was reproduced as a frontispiece with comments by Ueda Juzō 植田壽藏 (1886–1973) in 藝文 Geibun (*Art and Literature* magazine), No 3, 1916, March. The negatives of the photographs are now kept at the Institute for Research in Humanities of Kyoto University (京都大學人文科學研究所). A research evaluating artistic merits of the engraving was published in: Taki Seiichi 瀧精一 (1873–1945). 黒城發掘の古版畫 Kokujō hakkutsu-no kohanga (*Ancient engravings discovered in Khara-Khoto*) // 國華 Kokka (*Pride of the Nation*), No 349. 1919, December. Taki Seiichi early enough took notice of the engravings and paid much attention to their study. See Taki Seiichi. 中亞の發掘品と我淨土教美術の起源 Chūa-no hakkutsuhin-to waga jōdokyō bijutsu-no kigen (*Archaeological Finds from Central Asia and the origins of art of the Pure Land Buddhist school*) // 國華 Kokka (*Pride of the Nation*), No 296, 1915, January. Taki Seiichi. 黒城發掘来迎圖 Kokujō hakkutsu raigōzu (*Engravings brought from Khara-Khoto excavations*) // 國華 Kokka (*Pride of the Nation*), No 296, 1915, January.

ного сборника» (文選) из российской дуньхуанской коллекции. По-видимому, это произошло при активном посредничестве Н.А. Невского, который в то время работал в Институте иностранных языков в Осаке и по совместительству преподавал в Киотском университете¹⁰. О «Литературном сборнике» из Дуньхуана Кано опубликовал статью на китайском языке в журнале «Синагаку»¹¹. Эта статья была переведена на русский язык Ю.К. Шуцким, который посетил Японию с коротким визитом. Затем по представлению В.М. Алексеева эта статья была опубликована в «Известиях АН СССР»¹². Статья Кано Наоки имеет большое значение как самое первое фундаментальное исследование китайской части дуньхуанской коллекции, хранящейся в России, а также как пример сотрудничества, украсивший первую страницу истории научных контактов между Японией и Россией в области востоковедения. Спустя некоторое время, в 1932 г. Аоки Масару 青木正兒 (1887—1964), талантливый ученик Кано, опубликовал в «Синагаку» исследование рукописи «Лю Чжи-юань чжугундяо»¹³, которое имело неоспоримую филологическую и историческую значимость и привлекло внимание специалистов в научном мире.

Через два года после визита Кано Россию посетил Ханэда Тору 羽田亨 (1882—1955), который оставался в Петрограде в течение некоторого времени. Основной его целью была стажировка по уйгурскому языку у В.В. Радлова. Ханэда хотел получить консультации Радлова по поводу уйгурского перевода сутры «Секыз яруг» (天地八陽神呪經),

Ханэда Тору
 Haneda Tōru

A.I. Ivanov and V.M. Alekseev and made the acquaintance of V.V. Radloff and L.Ya. Sternberg.

On the occasion of Kano's jubilee in 1928, V.M. Alekseev sent him photo copies of *Liu Zhi-yuan zhugongdiao* and the *Literary Selections* (文選) from the Russian Dunhuang collection. Presumably, that was done through active mediation of N.A. Nevsky, who was at that time working at the College of Foreign Languages in Osaka and teaching part-time at Kyoto University¹⁰. Kano published an article in Chinese about *Literary Selections* from Dunhuang in *Shinagaku* magazine¹¹. The article was translated into Russian by

Yu.K. Shutsky, who had paid a brief visit to Japan. Then, on the recommendation by V.M. Alekseev it was published in the *Proceedings of the USSR AS*¹². Kano Naoki's article is important as the very first fundamental study of the Chinese part of the Dunhuang collection in Russia and as a fine example of cooperation that decorated the first page of Russo-Japanese scholarly contacts in the field of Oriental studies. Some time later, in 1932, Aoki Masaru 青木正兒 (1887—1964), Kano's talented student, published in *Shinagaku* a study of the manuscript *Liu Zhi-yuan zhugongdiao*¹³, which was of indubitable philological and historical value and attracted the attention of specialists across the world's scholarly community.

Two years after Kano's visit, Haneda Tōru 羽田亨 (1882—1955) came to Russia and stayed in Petrograd for some time.

¹⁰ 神田喜一郎 Канда Киичирō. 狩野先生と敦煌古書 Кано-сэнсэй-то тонкō косэ (Учитель Кано и дуньхуанские рукописи) // 東光 Тōкō (Свет Востока), № 5. 1948. С. 46.

¹¹ См. 支那學 Синагаку (Синология). Т. 5, № 1. 1929, март. С. 153—159. Эта статья также была включена в сборник 東洋學叢編 Тōйōгакү сōхэн (Востоковедная серия. Т. 1. Токио, 1934), а также издана в собрании сочинений автора (Киото, 1947 и Токио, 1980) и в книге 君山文 «Кундзанбун» (Киото, 1959). В сборнике «Тōйōгакү сōхэн» рукопись была воспроизведена факсимиле. В «Синагаку» было опубликовано также подробное исследование Набы Тосисады, посвященное вышеуказанным «изображениям четырех красавиц»: 那波利貞 Наба Тосисада. コゾロフ氏發見南宋時代版畫美人圖攷 Колзуруфу-си хаккэн нансō: дзидай ханга бидзин дзүкō (Изображение красавиц периода Южной Сун, обнаруженное Козловым) // Синология. Т. 5, № 1. 1929, март. С. 95—136.

¹² Кано Н. О фрагменте старой рукописи «Литературного сборника», хранящегося в Азиатском музее Академии наук // Известия АН СССР. ОГН, 1930. Сер. 7. № 2. С. 135—144. П. Пеллио откликнулся на эту публикацию заметкой, см. T'oung Pao. 28, livr. 2. 1931. P. 165—166.

¹³ Аоки Масару. 劉知遠諸宮調考 Рю Тиэн сёкүтё кō (Заметки о Лю Чжи-юане Чжугундяо) // Синология. Т. 6, № 2, 1932, февраль. С. 21—56.

¹⁰ 神田喜一郎 Kanda Kiichirō. 狩野先生と敦煌古書 Kano-sensei-to tonkō koshō (Professor Kano and Dunhuang manuscripts) // 東光 Tōkō (*Light from the East*), No 5, 1948, p. 46.

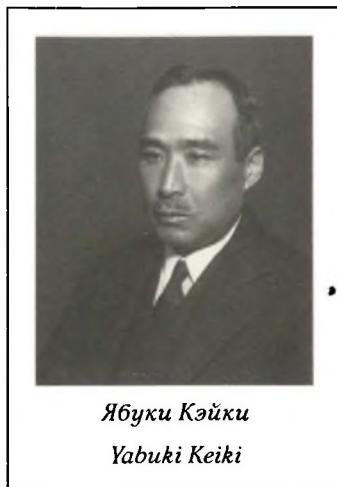
¹¹ См. 支那學 Shinagaku (*Sinology*). Vol. 5. No 1 (1929), March, pp. 153—159. This article was also included in the collection 東洋學叢編 Tōyōgaku sōhen (*Oriental Studies Series*. Vol. 1. Tokyo, 1934), and in the writer's collected works (Kyoto, 1947, and Tokyo, 1980), as well as in the book 君山文 Kunzanbun (Kyoto, 1959). In the Tōyōgaku sōhen collection the manuscript was reproduced in facsimile. *Shinagaku* also published a detailed study by Naba Toshisada devoted to the above mentioned picture of the four beauties: 那波利貞 Naba Toshisada. コゾロフ氏發見南宋時代版畫美人圖攷 Kodzurofu-shi hakken nansō jidai hanga bijin zukō (*Picture of the Beauties of the Southern Song Dynasty, Discovered by Kozlov*) // *Sinology*. Vol. 5. No 1 (1929), March, pp. 95—136.

¹² Kano, N. "About a fragment of an old manuscript of 'Literary Selections' kept in the Asiatic Museum of the Academy of Sciences." *Proceedings of the USSR AS*, 1930, ser. 7, No 2, pp. 135—144. P. Pelliot wrote a short notice on this article published in Russian. See *T'oung Pao*. No 28 (1931), livr. 2, pp. 165—166.

¹³ Aoki Masaru. 劉知遠諸宮調考 Ryū Chien shokyūchō kō (*Notes on 'Liu Zhi-yuan zhugongdiao'*) // *Sinology*. Vol. 6. No 2 (1932), February, pp. 21—56.

привезенного недавней японской экспедицией Отани. После отъезда Ханэды на родину В.В. Радлов выслал ему копии нескольких фрагментов этой сутры, чем способствовал продвижению его исследования. Эти фрагменты были приобретены первой РТЭ С.Ф. Ольденбурга и Н.Н. Кротковым. Один фрагмент был началом свитка рукописи из коллекции Отани. Ханэда сразу же опубликовал исследование этой недостающей части, выразив В.В. Радлову свою признательность¹⁴. После кончины Радлова Ханэда написал некролог «Доктор Радлов», в котором рассказал о своем общении с ним и привел подробные сведения о его жизни и научных достижениях¹⁵. От Кано Ханэда узнал о коллекции П.К. Козлова, и во время посещения Петрограда он с помощью А.И. Иванова ознакомился с некоторыми документами из Хара-Хото, хотя и не занимался их исследованием.

Когда Кано и Ханэда находились в российской столице, дуньхуанские рукописи второй РТЭ еще не были доставлены, поэтому они, естественно, не могли их видеть. Первым из японских исследователей с ними ознакомился Ябуки Кэйки 矢吹慶輝 (1879—1939), плодотворно занимавшийся изучением буддийской части коллекции А. Стейна, а также написавший крупные работы «Мэйса Ённ» (鳴沙餘韻) и «Сангайкё-но кэнкю» (三階教の研究). В декабре 1916 г. он, второй раз направляясь в Лондон, захватил в Петроград, где поработал с дуньхуанскими рукописями. Через Сильвана Леви Ябуки Кэйки познакомился с С.Ф. Ольденбургом, который в свою очередь представил его В.М. Алексею. Благодаря помощи последнего Ябуки смог просмотреть несколько сотен дуньхуанских рукописей. Колофоны около двадцати из них он воспроизвел в своей небольшой заметке¹⁶. Следует обратить внимание на то, что самая поздняя из дуньхуанских рукописей «Запись о пожертвовании Цао Цзун-шоу» (燉煌王曹宗壽編造帙子入報恩寺記, Ф 32а), датированная пятым годом правления династии Сун под девизом «Всеобщий мир» (Сянь-пин), т. е. 1002 г., также упомянута в его статье. Опасаясь, что его

Ябуки Кэйки
 Yabuki Keiki

His main objective was to learn the Uighur language from V.V. Radloff and consult him about the Uighur translation of the *Sekiz jaruq sutra* (天地八陽神呪經), which had been brought by Otani's Japanese expedition not long before. After Haneda left for Japan, V.V. Radloff sent him copies of several fragments of the sutra, which facilitated the progress of Haneda's study. The fragments had been obtained by S.F. Oldenburg's First Russian Turkestan Expedition and by N.N. Krotkov. One of them was the beginning of the scroll manuscript from Otani's collection. Haneda immediately published a study of this missing part and expressed his gratitude to V.V. Radloff¹⁴. After

the Russian scholar's death, Haneda wrote an obituary, *Dr. Radloff*, in which he told the reader of his meetings with Radloff and provided detailed information about his life and scholarly achievements¹⁵. From Kano, Haneda learned about P.K. Kozlov's collection, and during his visit to Petrograd he familiarized himself, with the assistance of A.I. Ivanov, with some documents from Khara-Khoto, without investigating them.

When Kano and Haneda were in the Russian capital, the Dunhuang manuscripts from the Second Russian Turkestan Expedition had not yet been brought, so they naturally could not have seen them. The first of the Japanese scholars to get acquainted with the manuscripts brought by the Second RTE was Yabuki Keiki 矢吹慶輝 (1879—1939), who had fruitfully studied the Buddhist part of the A. Stein collection and written such major works as *Meisa Yoin* (鳴沙餘韻) and *Sangai kyō no kenkyū* (三階教の研究). In December 1916, on the way back to Japan after his second visit to London, Yabuki made a stop in Petrograd to work on the Dunhuang manuscripts. Through mediation of Sylvain Lévi, Yabuki Keiki met S.F. Oldenburg, who introduced him to V.M. Alekseev. With the latter's help, Yabuki was able to look through several hundred Dunhuang manuscripts. The colophons of about twenty of them he reproduced in his short article¹⁶. It is worth attention that the "donation notice of Cao Zong-shou" (燉煌王曹宗壽編

¹⁴ Ханэда Тōру. 回鶻文の天地八陽神呪經補遺 Кайкоцубун-но тэнти-хатиё-синдзюкё хон (Приложение к "yirli t(ā)ngrili sākiz yūkiūmāk būkūlūk arviš nom bitig") // 東洋學報 Тōгёгакухō (Записки Общества востоковедов). Т. 5, № 3. 1915, март. С. 401—407. Основная часть статьи была опубликована: Записки Общества востоковедов. Т. 5, № 1. С. 41—78; № 2. С. 189—228.

¹⁵ Ханэда Тōру. ラードロフ博士 Радорофу хакасэ (Доктор Радлов) // 藝文 Гэйбун (Искусство и литература). № 7, 1919, июль. С. 407—409.

¹⁶ Ябуки Кэйки. 露都ペトロградに於ける古経跋及疏讚類 Рото Петорогурāдо-ни океру кокёбацу оёби сосанруй (Рукописная коллекция в Петрограде, столице России) // 宗教界 Шюкёкай (Мир религии). Т. 13, № 5. 1917. С. 407—409.

¹⁴ Haneda Tōru. 回鶻文の天地八陽神呪經補遺 Kaikotsubun no tenchi-hachiyō-shinjūkyō hoi (*A Supplement to the 'yirli t(ā)ngrili sākiz yūkiūmāk būkūlūk arviš nom bitig'*) // 東洋學報 Tōyō-gakuhō (*Reports of the investigations of the Oriental Society*). Vol. 5, No 3, 1915, March, pp. 401—407. The main part of the article was published in: *Reports of the investigations of the Oriental Society*. Vol. 5, No 1, pp. 41—78; No 2, pp. 189—228.

¹⁵ Haneda Tōru. ラードロフ博士 Rādorofu hakase (*Doctor Radloff*) // 藝文 Geibun (*Art and Literature*), No 7, 1919, pp. 407—409.

¹⁶ Yabuki Keiki. 露都ペトロградに於ける古経跋及疏讚類 Roto Petorogurādo-ni okeru kokyō-batsu oyobi sosanrui (*Manuscript collection in Petrograd, capital of Russia*) // 宗教界 Shūkyōkai (*World of Religion*). Vol. 13, No 5, 1917, pp. 407—409.

записи могут быть конфискованы на границе, Ябуки сделал две их копии: одну выслал по почте письмом, другую взял с собой. Несмотря на все немыслимые усилия Ябуки, его сообщение не привлекло большого внимания в Японии. Не было оно оценено и за пределами Японии. Зарубежные исследователи в то время не знали о дуньхуанских рукописях, хранящихся в России. Возможно, заметка Ябуки стала единственным научным сообщением, написанным иностранцем, увидевшим своими глазами коллекцию С.Ф. Ольденбурга. Фактически, как мы уже отмечали, до 1960 г. мировое научное сообщество почти ничего не знало о российской коллекции дуньхуанских рукописей. И, по-видимому, в самой послереволюционной, политически нестабильной России также мало занимались ее изучением. В середине 1930-х гг. к разбору коллекции приступил К.К. Флуг, но его преждевременная смерть в 1942 г. прервала изучение дуньхуанского фонда в России до начала 1950-х гг.¹⁷ Зарубежным ученым было чрезвычайно трудно приехать в Советский Союз для исследовательской работы, и все их сведения ограничивались ознакомительной статьей Ябуки¹⁸.

До начала Второй мировой войны сведениями о российской дуньхуанской коллекции располагал еще один японский ученый, Исихама Дзюнтаро 石濱純太郎 (1888—1968). Ему так и не довелось побывать в России, но он интересовался результатами изучения материалов, доставленных российскими экспедициями. Первоначально Исихама совершенствовал свои познания в китайской литературе в Токийском университете. В связи с ранней кончиной отца он был вынужден после окончания университета в 1901 г. вернуться на родину в Осаку, чтобы заняться семейным бизнесом в фармацевтической компании. Идя по стопам Найто Торадзиро (Конана) 内藤虎次郎 (湖南), он позже, занимаясь научной работой неофициально, проявил себя как талантливый исследователь в самых разных обла-

Исихама Дзюнтаро
 Ishihama Juntarō

造帙子入報恩寺記, Ф 32a), dated 5th year of Xian-ping of the Song dynasty, i.e. the year 1002, the latest among the Dunhuang manuscripts, appears in it. Fearing lest his notes might get confiscated on the border, Yabuki duplicated them, sending one copy by mail and taking the other with him. Despite Yabuki's tremendous efforts, his article did not attract much attention in Japan. Nor outside Japan. At that time foreign scholars were mainly unaware of the Dunhuang manuscripts kept in Russia. Yabuki's article would seem to be the only report by a foreign scholar who had seen S.F. Oldenburg's collection personally. As we have pointed out above, until 1960 the world

scholarly community knew virtually nothing about the Russian collection of the Dunhuang manuscripts. Nor, it appears, was it much studied in politically unstable post-revolutionary Russia itself. In the mid-1930s, K.K. Flug began sorting it out, but his untimely death, in 1942, interrupted the study of the Dunhuang material in Russia until the early 1950s¹⁷. Foreign scholars willing to visit the USSR for research work faced enormous difficulties, and their information was confined to Yabuki's introductory article¹⁸.

Before the beginning of World War II, one more Japanese scholar, Ishihama Juntarō 石濱純太郎 (1888—1968), possessed information about the Russian Dunhuang collection. He never chanced to visit Russia, but took interest in the results of the studies of the materials brought by the Russian expeditions. Initially he studied Chinese literature in Tokyo University. His father's untimely death obliged Ishihama to return to his home town of Osaka, after graduating in 1901, in order to take up the family business in a pharmaceutical company. Following in the footsteps of Naitō Torajirō (Konan) 内藤虎次郎 (湖南), he later made his mark as a gifted freelance scholar in various fields. The range of his interests was extraordinarily wide: from Manchuria and Mongolia to India — and, naturally, he paid a great deal of attention to China. Being a man of means, he built

¹⁷ См.: Меньшиков Л.Н. Предисловие // Воробьева-Десятковская М.И., Гуревич И.С., Меньшиков Л.Н., Спирин В.С., Школяр С.А. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 1. М., 1963. С. 8.

¹⁸ Сионоя Он 塩谷温 (1878—1962), профессор Токийского университета, специалист по китайской литературе, во время поездки в Европу в 1932 г. посетил Ленинград, где встречался с Н.И. Конрадом, Н.А. Невским и Ю.К. Щуцким. Он ознакомился с коллекцией рукописей из Хара-Хото. Однако он пишет, что ему не удалось увидеть рукопись «Лю Чжи-юань чжугундяо», основную цель его визита, поскольку не был найден ключ от шкафа, в котором она хранилась. Сионоя Он ни слова не написал о российской коллекции дуньхуанских рукописей. См. Сионоя Он. 王道は東より *Odō-wa higashi-yori* (О добродетельном правлении, идущем с Востока). Токио, 1934. С. 237—238.

¹⁷ See Menshikov, L.N. Foreword. In Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Gurevich, I.S., Menshikov, L.N., Spirin, V.S., Shkolar, S.A. *Description of the Chinese Manuscripts...* Issue 1. M., 1963, p. 8.

¹⁸ Shionoya On 塩谷温 (1878—1962), professor of Tokyo University, specialist in Chinese literature, during his trip to Europe in 1932 visited Leningrad, meeting with N.I. Konrad, N.A. Nevsky and Yu.K. Shutsky. He got acquainted with the collection of manuscripts from Khara-Khoto. He writes, however, that he failed to see *Liu Zhi-yuan zhugongdiao*, the main aim of his visit, because they could not find the key to the bookcase in which it was kept. He did not write a word about the Russian collection of the Dunhuang manuscripts. See Shionoya On. 王道は東より *Odō-wa higashi-yori* (*On the Virtuous Rule Coming from the East*). Tokyo, 1934, pp. 237—238.

стях знаний. Круг его интересов был чрезвычайно широк: от Маньчжурии и Монголии до Индии. Конечно же, много внимания он уделял Китаю. Используя свои финансовые возможности, он собрал богатую коллекцию по востоковедению, в том числе обширную библиотеку по России. Он также как никто другой хорошо знал научную жизнь в России. Из опубликованной им в «Синагаку» статьи явствует, что ему была известна работа Ф.А. Розенберга о находках в Пещерах тысячи будд в Дуньхуане. Он также знал о составе коллекции, привезенной второй РТЭ Ольденбурга, и о том, что помимо китайских текстов в ней есть фрагменты на согдийском языке,

на санскрите и на уйгурском языке и что В.М. Алексеев занят ее описанием¹⁹. Информация Исихама о том, что до К.К. Флуга инвентаризацией занимался В.М. Алексеев, подтверждается тем, что Ябуки, пожелавшего осмотреть коллекцию, С.Ф. Ольденбург познакомил именно с Алексеевым. Но, по всей вероятности, Исихама не знал об упомянутой выше заметке Ябуки. Одновременно удивительно, что в дальнейшем ученые в Японии пренебрегли столь ценными сведениями Исихама²¹. Впрочем, японским исследователям в то время было сложно составить объективное представление о далекой России.

Исихама Дзюнтарō внес выдающийся вклад в изучение тангутских рукописей и тангутского языка. Этим своим успехам он был обязан сотрудничеству с русским ученым Н.А. Невским (1892—1937). В 1922 г. Исихама по специальной двухлетней программе освоил монгольский язык в только что созданном Осацком колледже иностранных языков. Монгольский язык здесь преподавал Ханэда Тору, перешедший из Киотоского университета²². И как раз в это время Невский перевелся из коммерческого училища в

Найтō Торадзирō (Конан)
 Naitō Torajirō (Konan)

up a rich collection of materials connected with Oriental studies¹⁹, including a comprehensive library devoted to Russia. He was also perfectly familiar, like nobody else, with scholarly activities in Russia. From the article he published in *Shinagaku* it follows that he knew F.A. Rosenberg's work on the finds in the Caves of a Thousand Buddhas in Dunhuang. He also knew about the content of the collection brought by Oldenburg's Second RTE and was aware that it included, apart from Chinese materials, fragments written in Sogdian, Sanskrit and Uighur and that V.M. Alekseev was working on them²⁰. Ishihama's information that V.M. Alekseev had started inventorying the collection before

K.K. Flug is borne out by the fact that when Yabuki wanted to see the collection S.F. Oldenburg introduced him to none other than Alekseev. Yet, in all likelihood, Ishihama knew nothing about Yabuki's article mentioned above. It is surprising therefore that afterwards Japanese researchers ignored such valuable information as given by Ishihama²¹. Admittedly, at that time it was hard for the Japanese scholars to form an impartial impression of far-away Russia.

Ishihama Juntarō made an outstanding contribution to the study of the Tangut manuscripts and the Tangut language. He owed that success of his to cooperation with the Russian scholar N.A. Nevsky (1892—1937). In 1922 Ishihama mastered Mongolian by following a special two-year program in the newly-established College of Foreign Languages in Osaka. Mongolian was taught there by Haneda Tōru, professor of Kyoto University²². And it was then that N.A. Nevsky transferred from Otaru Higher Commercial School to Osaka College of Foreign Languages, where he taught Russian and where destiny made them meet.

¹⁹ Более 42 200 рукописей и книг Исихама Дзюнтарō передал Осацкому колледжу иностранных языков, где они хранятся как Фонд Исихама. Каталог Фонда опубликован: 大阪外國語大學石濱文庫目録 Осака гайкокуго дайгаку Исихама бунко мокуроку (Каталог Фонда рукописей Исихама в Осацком университете иностранных языков). Осака, 1977.

²⁰ Исихама Дзюнтарō. 敦煌雜考 Tonkō zakkō (Некоторые рассуждения по поводу Дуньхуана) // Синагаку (Синология). Т. 4, № 2. 1927, март. С. 147—148; Rosenberg Fr. Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts' ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914—1915). I. Fragment d'un conte // ИРАН. Т. 12. 1918. С. 817—842.

²¹ См. также: Исихама Дзюнтарō. ロシアの東洋學 Россия-но тōйōгаку (Востоковедение в России) // 東洋史研究 Тōйōши кэнкю (Изучение истории Востока). Т. 1, № 6. 1936, август. Эта статья была опубликована также в книге: 東洋學の話 Тōйōгаку-но ханаси (Рассказы о востоковедении). Токио, 1942. С. 240.

²² Осака гайкокуго дайгаку нанадзю нэнси 大阪外國語大學70年史 (70-летие Осацкого колледжа иностранных языков). Осака, 1992. С. 15.

¹⁹ Ishihama Juntarō donated more than 42,200 manuscripts and books to Osaka College of Foreign Languages, where they have been kept as the Ishihama Collection. The catalogue of the Collection has been published: 大阪外國語大學石濱文庫目録 Ōsaka gaikokugo daigaku Ishihama bunko mokuroku (Catalogue of the Ishihama Collection in the College of Foreign Languages in Osaka). Osaka, 1977.

²⁰ Ishihama Juntarō. 敦煌雜考 Tonkō zakkō (*Some Discourse about Dunhuang*) // *Sinology*. Vol. 4, No 2 (1927), March, pp. 147—148; Rosenberg, Fr. "Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts' ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914—1915)". I. Fragment d'un conte // *PAS*. Vol. 12 (1918), pp. 817—842.

²¹ Also see: Ishihama Juntarō. ロシアの東洋學 Roshia-no tōyōgaku (*Oriental Studies in Russia*) // 東洋史研究 Tōyōshi kenkyū (*Revue des études d'histoire de l'Extrême-Orient*). Vol. 1, No 6 (1936), August. This article was also published in the book: 東洋學の話 Tōyōgaku-no hanashi (*Talks about Oriental Studies*). Tokyo, 1942, p. 240.

²² 大阪外國語大學70年史 Ōsaka gaikokugo daigaku nanajū nenshi (*70th Anniversary of Osaka College of Foreign Languages*). Osaka, 1992, p. 15.

Отару в Осацкий колледж иностранных языков, где занял должность преподавателя русского языка. Здесь они волею судьбы встретились.

Н.А. Невский, обучавшийся на китайско-японском отделении Петербургского университета, в 1915 г. был направлен на два года на стажировку в Японию. Сначала он проходил интенсивный курс обучения в Токио вместе с Н.И. Конрадом и О.О. Розенбергом²³. После революции в России он по совету В.М. Алексева не стал возвращаться на родину и решил наблюдать из Японии за развитием событий. Из-за того, что из России ему перестали переводить деньги, он был вынужден искать средства к существованию и поступил на службу в торговую компанию в Токио, состоявшую под управлением русского эмигранта. С 1919 г. он преподавал русский язык в коммерческом училище в Отару. В это время Невский занимался фольклором Японии и часто встречался с Янагидой Кунио 柳田國男 (1875—1962), Оригути Синобу 折口信夫 (1887—1953), Накаямой Тарō 中山太郎 (1876—1947). Во время своей командировки на Хоккайдо он по совету Киндаити Кёсукэ 金田一京助 (1882—1971) стал изучать айнский язык, а также диалект жителей островов Мияко архипелага Рюкю. После переезда в Осаку он по-прежнему сохранял интерес к изучению фольклора и японских диалектов и вместе с коллегой из Осацкого колледжа иностранных языков Асаи Эрином 淺井恵倫 (1895—1983) посетил Тайвань с целью изучения языков местных народов²⁴. При этом Н.А. Невский по настоятельному совету Исихамы постепенно обратился к изучению тангутского языка. Совместно они опубликовали несколько статей²⁵. В 1925 г. в Пекине Н.А. Невский посетил В.А. Иванова, своего бывшего университетского препода-

N.A. Nevsky, a student of the Sino-Japanese Department of Petersburg University, was sent to Japan in 1915 for two years' language studies. At first he took an intensive course in Tokyo together with N.I. Konrad and O.O. Rosenberg²³. After the revolution in Russia he did not return home on the advice of V.M. Alekseev and decided to watch from Japan how things would develop in Russia. As money remittances from Russia stopped, he had to look for means of subsistence and got a job with a trading company managed by an immigrant from Russia. From 1919 he taught Russian at the Higher Commercial School in Otaru. At that time Nevsky was studying the folklore of Japan and frequently met with Yanagida Kunio 柳田國男 (1875—1962), Origuchi Shinobu 折口信夫 (1887—1953) and Nakayama Tarō 中山太郎 (1876—1947). During his trip to Hokkaido, on the advice of Kindaichi Kyōsuke 金田一京助 (1882—1971), he began learning Ainu and the dialect of the inhabitants of the Miyako Islands of the Ryūkyū Archipelago. After moving to Osaka, he still kept interest in the study of folklore and Japanese dialects and visited Taiwan with his colleague Asai Erin 淺井恵倫 (1895—1983) from the College of Foreign Languages in Osaka to study the vernacular languages²⁴. Also, N.A. Nevsky followed Ishihama's insistent advice and gradually turned to studying the Tangut language. They jointly published several articles²⁵. In 1925 N.A. Nevsky visited in Beijing his former University teacher V.A. Ivanov, who showed

²³ Летом 1913 г. Н.А. Невский побывал в Токио с целью изучения японской литературы, но данных об этом не сохранилось. О жизни и деятельности Н.А. Невского см.: Кычанов Е.И. Звучат лишь письма. М., 1965, 2-е изд. Рыбинск, 2002; Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978; На стеклах вечности. Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии. [Под ред. Л.Л. Громковской] // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 239—560. 加藤九祚 Катō Кюдзō. 天の蛇—ニコライ・ネフスキーの生涯 Тэн-но хэби — Никорай Нефусукй-но сёгай (Радуга — жизнь Николая Невского). Токио, 1976; 生田美智子編 Икута Митико (составитель). 資料が語るネフスキー—シラヤガカタруネフスукイ (Невский — по архивным материалам). Осака, 2003.

²⁴ См. Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу // Труды Института востоковедения. Т. 11. М.; Л., 1935; там же. Айнский фольклор. Исследования, тексты и пер. Сост. и авт. предисл. Л.Л. Громковская. М., 1972; там же. Фольклор островов Мияко. Послеслов. Л.Л. Громковской. М., 1978; там же. Материалы по говорам языка цоу: Словарь диалекта северных цоу. М., 1981.

²⁵ См. Исихама Дзюнтарō. 西夏語研究の話 Сэйкаго кэнкю-но ханаси (Рассказ об изучении тангутского языка) // 徳雲 Токуун (Благодное облако). Т. 3, № 3. 1934, ноябрь; там же. 東洋學の話 Тōёгаку-но ханаси (Рассказы о востоковедении). Токио, 1942. С. 194—199.

²³ In the summer of 1913 N.A. Nevsky visited Tokyo to study Japanese literature, but no information about that period survives. On the life and work of N.A. Nevsky see: Kychanov, E.I. *Only Writings Sound*. M., 1965; 2nd ed. Rybinsk, 2002; Gromkovskaya, L.L., Kychanov, E.I. *Nikolai Aleksandrovich Nevsky*. M., 1978; "On the Glass of Eternity. Nikolai Nevsky. Translations, studies and materials for biography". Ed. by L.L. Gromkovskaya. *St. Petersburg Journal of Oriental Studies*. Issue 8 (1996), pp. 239—560; 加藤九祚 Katō Kyūzō. 天の蛇—ニコライ・ネフスキーの生涯 Ten-no hebi Nikorai Nefusuki-no shōgai (*Rainbow, the Life of Nikolai Nevsky*). Tokyo, 1976; 生田美智子編 Ikuta Michiko (compiler). 資料が語るネフスキー—Shiryō-ga kataru Nefusuki (*Nevsky in Archive Materials*). Osaka, 2003.

²⁴ See Nevsky, N.A. "Materials on the dialects of the Tsou language." In *Transactions of the Institute of Oriental Studies*. Vol. 11, M., L., 1935; *Id., Ainu Folklore*. Studies, texts and transl., comp. and foreword by L.L. Gromkovskaya. M., 1972; *Id., Folklore of the Miyako Islands*. Afterword by L.L. Gromkovskaya. M., 1978; *Id., Materials on the Dialects of the Tsou Language: Glossary of the Northern Tsou Dialects*. M., 1981.

²⁵ See Ishihama Juntarō. 西夏語研究の話 Seikago kenkyū-no hanashi (*A Talk about the Study of the Tangut Language*) // 徳雲 Tokuuun (*Blessed cloud*). Vol. 3, No 3 (1934), November; *Id., 東洋學の話 Tōyōgaku-no hanashi (Talks about Oriental Studies)*. Tokyo, 1942, pp. 194—199.

давателя, который показал ему несколько тангутских текстов и разрешил сделать рукописную копию²⁶. Кроме того, по просьбе Невского коллеги из Ленинграда отправили для него фотокопии тангутских текстов, хранящихся в России. Что касается сотрудничества двух ученых, то Исихама был рад, что может помочь получить фотокопии тангутских текстов из России, а Невский, в свою очередь, мог воспользоваться богатой библиотекой Исихамы. По привезенным Исихамой материалам в 1927—1933 гг. Невский и Исихама опубликовали семь статей в различных японских периодических изданиях²⁷. В июле 1927 г. по предложению Такахаси Моритаки 高橋盛孝 Исихама и Невский вместе с Асаи Эрином и Сасатани Рёдзо 笹谷良造, создали Общество «Сэйан гакуся» 靜安學社 памяти Ван Го-вэя (*Societas Orientalis Osaka'ensis in Memoriam Wang Guo-wei*). Этот выдающийся китайский ученый в мае 1927 г. покончил жизнь самоубийством, утопившись в озере Куньмин в парке Цинхуа в Пекине. Именно Н.А. Невский предложил название общества²⁸. Членами общества по его рекомендации стали О.В. Плетнер, Н.И. Конрад и Ю.К. Шуцкий. На первом собрании находившийся в это время в Японии Н.И. Конрад сделал доклад на тему «Востоковедные исследования в Советской России»²⁹. Это научное общество сыграло заметную роль в развитии востоковедных связей между Японией и Россией. И оно появилось благодаря сотрудничеству Исихамы и Невского, которые неоднократно докладывали о результатах изучения ими тангутского языка на его заседаниях.

Когда в Россию направлялись японские друзья Н.А. Невского, он всегда давал им рекомендательные письма к коллегам в Ленинграде. Когда Найтō Торадзирō (Конан), учитель Исихамы Дзюнтарō, в июле 1924 г. отправился для изучения дунхуанских рукописей в Европу, сам Исихама сопровождал его около двух месяцев. Однако им пришлось из Марселя морем вернуться на родину, так и «не побывав в России, и не совершив путешествия по Америке»³⁰. И реко-

him some Tangut texts and allowed him to make a handcopy²⁶. In addition, at Nevsky's request his Leningrad colleagues sent him photocopies of the Tangut texts kept in Russia. As for the two scholar's cooperation, Ishihama was happy to be able to help with getting the Tangut texts from Russia while Nevsky could profit from Ishihama's rich library. In 1927—33 Nevsky and Ishihama published seven articles about those materials in different Japanese periodicals²⁷. In July 1927, on the advice of Takahashi Moritaka 高橋盛孝, Ishihama and Nevsky, together with Asai Erin and Sasatani Ryōzō 笹谷良造, created the "Seian Gakusha" 靜安學社 society to commemorate Wang Guo-wei (*Societas Orientalis Osaka'ensis in Memoriam Wang Guo-wei*). That outstanding Chinese scholar committed suicide in May 1927, drowning himself in Kunming lake in Qinghua Garden in Beijing. It was Nevsky who suggested the name for the society²⁸. On Nevsky's recommendation O.V. Pletner, N.I. Konrad and Yu.K. Shutsky became its members. At the first meeting of the society, N.I. Konrad, who was in Japan at that time, made a report entitled *Oriental Studies in Soviet Russia*²⁹. The society played an appreciable part in the development of links between Japanese and Russian Orientalists. It came into being also thanks to the collaboration between Ishihama and Nevsky, who repeatedly made reports on their study of the Tangut language at the meetings of the society.

Whenever N.A. Nevsky's Japanese friends went to Russia, he would give them letters of recommendation to his colleagues in Leningrad. When Naitō Torajirō (Konan), Ishihama Juntarō's teacher, went to Europe in July 1924 to study Dunhuang manuscripts, Ishihama himself accompanied him for about two months. However, they had to go back to Japan from Marseilles by sea, "without visiting Russia and without touring America"³⁰. So Nevsky's letter to Alekseev, never used, remained in Ishihama's archive³¹. In the spring of 1929, one more Japanese

²⁶ См. две открытки Н.А. Невского из Пекина, адресованные Исихаме Дзюнтарō в Фонде Исихама в Осацком колледже иностранных языков: Икута Митико. *Указ. соч.* С. 162—163.

²⁷ См. 石濱純太郎先生著作目録 Исихама Дзюнтарō сэнсэй тэсаку мокуроку (Список работ Исихамы Дзюнтарō) // 石濱先生古稀記念會. 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Исихама сэнсэй коки кинэнкай. Исихама-сэнсэй коки кинэн тōёгаку ронсō (Общество памяти Исихамы Дзюнтарō. Сборник статей по востоковедению, посвященный семидесятилетию учителя Исихамы Дзюнтарō). Осака, 1958. С. 1—18; ねふスキー 著作目録 Нэфусуки тэсаку мокуроку (Список работ Невского) // Икута Митико. *Указ. соч.* С. 250—253.

²⁸ Исихама Дзюнтарō. 靜安學社 Сэйан гакуся (Общество памяти Ван Го-вэя) // 藝文 Гэйбун (Искусство и литература). № 8. 1927, август. С. 65.

²⁹ Икута Митико. *Указ. соч.* С. 36—46.

³⁰ 石濱純太郎先生年譜略 Исихама Дзюнтарō сэнсэй нэмпуряку (Хронология жизни Исихамы Дзюнтарō) // 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Исихама сэнсэй коки кинэн тōёгаку ронсō (Востоковедный сборник памяти Учителя Исихамы). С. 7.

²⁶ See two postcards addressed to Ishihama Juntaro sent by N.A. Nevsky from Beijing, kept in the Ishihama Collection of the College of Foreign Languages in Osaka: Ikuta Michiko. *Op. cit.*, pp. 162—163.

²⁷ See 石濱純太郎先生著作目録 Ishihama Juntarō sensei chosaku mokuroku (*List of Works by Ishihama Juntarō*) // 石濱先生古稀記念會. 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Ishihama sensei koki kinenkai. Ishihama-sensei koki kinen tōyōgaku ronsō (*Ishihama Juntarō Memorial Society. Collection of articles on Oriental Studies in honor of Mr. Ishihama on his 70th birthday*). Osaka, 1958, pp. 1—18; ねふスキー 著作目録 Nefusuki chosaku mokuroku (*List of Nevsky's Works*). In Ikuta Michiko. *Op. cit.*, pp. 250—253.

²⁸ Ishihama Juntarō. 靜安學社 Seian Gakusha (*Wang Guo-wei Memorial Society*) // 藝文 Geibun (*Art and Literature*), No 8, 1927, August, p. 65.

²⁹ Ikuta Michiko. *Op. cit.*, pp. 36—46.

³⁰ 石濱純太郎先生年譜略 Ishihama Juntarō sensei nempuryaku (*Abridged chronology of Ishihama Juntaro's Life*) // 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Ishihama sensei koki kinen tōyōgaku ronsō (*Collection of Articles on Oriental Studies in honor of Mr. Ishihama on his 70th birthday*), p. 7.

³¹ Ikuta Michiko. *Op. cit.*, p. 185.

мендательное письмо Невского к Алексееву, оставшись неиспользованным, отложилось в архиве Исихамы³¹. Весной 1929 г. еще один японский ученый, этнограф Ока Масао 岡正雄 (1898—1982) по пути на стажировку в Европу выразил намерение побывать в СССР. Н.А. Невский написал ему рекомендательные письма к Иванову и Конраду и при этом попросил их сфотографировать для него некоторые тангутские рукописи³². Так Невский выполнял роль «моста», соединяющего ученых Японии и России.

В сентябре 1929 г. Н.А. Невский вернулся в СССР и стал доцентом Ленинградского государственного университета, но и после этого его сотрудничество с Исихамой Дзюнтарō продолжалось. Об этом можно судить по письмам, которые Невский посылал Исихаме³³. В них он сообщал о своих результатах в изучении тангутского языка и часто просил выслать ему научные материалы. Исихама откликнулся на его просьбы. Кроме того, в это время он по просьбе В.М. Алексеева написал отзыв о научной деятельности Невского³⁴. Вероятно, Алексееву это было необходимо, чтобы рекомендовать Невского в члены-корреспонденты Академии наук. Но вскоре наступил мрачный период. В октябре 1937 г. Невский был неожиданно арестован, и в следующем месяце расстрелян как «враг народа». Лишь через 20 лет, в 1957 г., имя Невского было реабилитировано. В 1960 г. в двухтомнике «Тангутская филология» были опубликованы сохранившиеся материалы Н.А. Невского по тангутскому языку³⁵. Через два года за этот труд он был посмертно удостоен Ленинской премии. Но благодаря семенам, посеянным Исихамой и Невским на ниве тангутоведения, впоследствии в Японии и в России появились фундаментальные работы Нисиды Тацуо 西田龍雄 и Е.И. Кычанова.

Таков с нашей точки зрения был вклад японских исследователей в изучение материалов русских экспедиций в Центральную Азию до начала Второй мировой войны.

В завершение следует сказать несколько слов об Умэхаре Суэдзи 梅原末治 (1893—1983), который изучал памятники цивилизации гуннов из Ноин-Улы, обнаруженные в 1923—1926 гг. П.К. Козловым к северу от Улан-Батора³⁶. Открытия Хара-Хото и Ноин-Улы были важнейшими

researcher and ethnographer Oka Masao 岡正雄 (1898—1982), expressed a desire to make a short stay in the USSR on his way to Europe for an academic visit. N.A. Nevsky supplied him with recommendation letters to Ivanov and Konrad, also asking them to get some Tangut manuscripts photographed for him³². Thus Nevsky acted as “a bridge” connecting the scholars of Japan and Russia.

In September 1929, N.A. Nevsky returned to the USSR and became Reader at Leningrad State University, but even then his collaboration with Ishihama Juntarō continued, as can be concluded from Nevsky’s letters to Ishihama³³. Nevsky wrote about his progress in the study of the Tangut language and frequently asked Ishihama to send him reference materials. Ishihama invariably responded to his requests. Moreover, on V.M. Alekseev’s request, Ishihama wrote a testimonial on Nevsky’s research work³⁴, which Alekseev might need to nominate Nevsky for the academic status of Corresponding Member of the Academy of Sciences. Soon, however, gruesome developments followed: Nevsky was suddenly arrested in October 1937 and shot down as “people’s enemy” the following month. It was not until 20 years later, in 1957, that Nevsky was posthumously rehabilitated. In 1960 N.A. Nevsky’s surviving materials on the Tangut language were published in the two-volume *Tangut Philology*³⁵. Two years later N.A. Nevsky was posthumously awarded the Lenin Prize for that work. It was owing to the seeds sown by Ishihama and Nevsky on the field of Tangut studies that the fundamental works by Nishida Tatsuo 西田龍雄 and E.I. Kychanov appeared in Japan and Russia.

This is what in our view was the pre-war contribution of Japanese researchers to the study of the materials of the Russian expeditions to Central Asia.

In conclusion a few words are in order about Umehara Sueji 梅原末治 (1893—1983), who studied the monuments of the Huns’ civilization from Noyon Uul discovered in 1923—26 by P.K. Kozlov north of Ulan Bator³⁶. The discoveries of Khara-Khoto and Noyon Uul were Kozlov’s most important achievements. At present the monuments from Noyon Uul are shown on a special display in the Hermitage Museum. In the summer of 1926, Umehara met with Oldenburg in the UK, where he

³¹ Икута Митико. *Указ. соч.* С. 185.

³² Ока Масао. 編者はしがき Хэнся хасигаки (Предисловие редактора) // *ネフスキー. 月と不死* Nefusukī. Tsuki-to fushi (Невский. Луна и бессмертие). Токио, 1971. С. 4.

³³ Икута Митико. *Указ. соч.* С. 144—161.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 820. Оп. 4, ед. хр. 53. Л. 1—4. Исихама Дзюнтарō. Отзыв о научных трудах и научной деятельности Н.А. Невского.

³⁵ Тангутская филология. Исследования и словарь. Кн. 1—2. М., 1960.

³⁶ См. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Ленинград, 1925; Yetts, P. Discoveries of the Kozlov Expedition // *The Burlington Magazine*. Vol. 48 (1926), pp. 168—185; Ханэда Тōру. 外蒙古におけるコズロフ氏の發掘 Gaimōko-ni okeru Kozurofu-shi-no hakkutsu (Археологические находки Козлова во Внешней Монголии) // *朝日新聞*

³² Oka Masao. 編者はしがき Hensha hashigaki (Foreword by editor) // *ネフスキー. 月と不死* Nefusukī. Tsuki-to fushi (Nevsky. *The Moon and Immortality*). Tokyo, 1971, p. 4.

³³ Ikuta Michiko. *Op. Cit.*, pp. 144—161.

³⁴ PBA RAS. Fond 820. Inv. 4, unit 53, ff. 1—4. Ishihama Juntarō. Testimonial on N.A. Nevsky’s Works and Research Activity.

³⁵ *Tangut Philology. Studies and Vocabulary*. Books 1—2. М., 1960.

³⁶ See *Concise Reports on Expeditions Exploring Northern Mongolia in Connection with the Mongol-Tibetan Expedition of P.K. Kozlov*. L., 1925; Yetts, P. “Discoveries of the Kozlov Expedition.” *The Burlington Magazine*. Vol. 48 (1926), pp. 168—185; Haneda Tōru. 外蒙古におけるコズロフ氏の發掘 Gaimōko-ni okeru Kozurofu-shi-no hakkutsu (*Archaeological Finds of Kozlov in Outer Mongolia*) // *朝日新聞 Asahi shimbun*, 6—9 March, 1927; *Id.* 羽田博士史學論文集

научными достижениями Козлова. Памятники из Ноин-Улы в настоящее время представлены на специальной экспозиции в Государственном Эрмитаже. Летом 1926 г. в Англии Умэхара встретился с С.Ф. Ольденбургом, который находился там с визитом в Кэмбриджском университете по приглашению Э. Минса. Осенью следующего 1927 г. Умэхара посетил Ленинград, где ознакомился с коллекцией П.К. Козлова из Ноин-Улы. Через год Умэхара вновь посетил Россию. Тот факт, что российские власти доверили зарубежному ученому изучение археологических находок из советских собраний, заслуживает особого внимания. К сожалению, в связи с началом Второй мировой войны результаты исследований Умэхары не были опубликованы. И только в 1960 г. Восточная библиотека (Тоё бунко) в Токио наконец осуществила их публикацию³⁷.

В 1930 г. Японское общество изучения археологии Восточной Азии («Тоа Коко гаккай», 東亞考古學會) составило план научного обмена между Японией и Советским Союзом. Предполагалось, что в нем примет участие Ханэда Тору, но он не смог этого сделать, и вместо него в СССР отправился Умэхара. Политическая ситуация в Советском Союзе в это время кардинально изменилась по сравнению с прежними годами, и в обществе ощущалась напряженность. Но японскому ученому благодаря содействию С.Ф. Ольденбурга была предоставлена возможность увидеть своими глазами свыше 1000 фотографий росписей Пещер тысячи будд в Дуньхуане³⁸. Сейчас эти фотографии хранятся в Государственном Эрмитаже и ИВР РАН, часть их была опубликована в Китае³⁹.

Японские ученые неизменно проявляли интерес к материалам, доставленным российскими экспедициями в Центральную Азию. Их роль в изучении рукописей, в особенности из коллекций С.Ф. Ольденбурга и П.К. Козлова, была достаточно велика. В развитии связей между востоковедами Японии и России были периоды расцвета и упадка, что объяснялось разными обстоятельствами, но результаты этого сотрудничества всегда имели непреходящую научную значимость. Основа, заложенная почти сто лет назад, и в будущем обеспечивает нашему научному сотрудничеству прекрасные перспективы.

聞 Асахи симбун. 6—9 марта 1927 г.; *то же*. 羽田博士史學論文集 Ханэда хакасэ сигаку ромбуншю (Сборник статей доктора Ханэды по истории). Т. 2 С. 569—580; Петр Кузьмич Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923—1926. Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев. Отв. ред. А.В. Постников. (Научное наследство. Т. 30). СПб., 2003.

³⁷ Умэхара Суэдзи. 梅原末治. 蒙古ノイン・ウラ發見の遺物 Мōко Ноин-Ура хаккэн-но ибуцу (Археологические находки в Ноин-Уле во Внешней Монголии) // 東洋文庫論叢 Тōё бунко ронсō (Сборник научных работ Восточной библиотеки). Т. 27. 1960.

³⁸ См. Умэхара Суэдзи. 考古學六十年 Кōкогаку рокудзюнэн (60 лет археологии). Токио, 1973. С. 83, 104—111, 122—125, 149—155.

³⁹ 俄羅斯國立艾爾米塔什博物館藏敦煌藝術品 Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. 6, Шанхай, 2005.

was visiting Cambridge University on the invitation of Ellis H. Minns. In the autumn of the following year 1927, Umehara visited Leningrad, where he got acquainted with P.K. Kozlov's collection from Noyon Uul. A year later Umehara again visited Russia and continued his work. It is worth attention that Russian authorities entrusted a foreign scholar with the study of archaeological finds in Soviet collections. Regretfully, the results of Umehara's research remained unpublished because of the beginning of World War II. It was not until 1960 that the Tōyō Bunko (Oriental Library) at last carried out their publication³⁷.

In 1930 the Japanese Society for the Study of the Archaeology of Eastern Asia (Tōa kōko gakkai 東亞考古學會) scheduled the academic visits exchange between Japan and the Soviet Union. It was expected that Haneda Tōru would visit the USSR, but he was unable to do so and Umehara went to the USSR instead of him. The political situation in the Soviet Union had changed cardinally in comparison with the past, and tension was felt in society. But thanks to S.F. Oldenburg's assistance, the Japanese researcher was given an opportunity to see over 1,000 photographs of the paintings from the Caves of a Thousand Buddhas in Dunhuang³⁸. Now these photographs are kept in the Hermitage Museum and in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; part of them has been published in China³⁹.

The Japanese researchers have invariably taken interest in the materials of the Russian expeditions to Central Asia. Their role in the study of the manuscripts, particularly those from the collections of S.F. Oldenburg and P.K. Kozlov, has been sufficiently important. The development of links between the Orientalists of Russia and Japan, knew ups and downs due to various circumstances, but the results of their cooperation have always been of perennial value. The foundations laid nearly a hundred years ago still guarantee bright prospects to our academic cooperation.

Haneda hakase shigaku rombunshū (*Collection of Articles on History by Dr. Haneda*). Vol. 2, pp. 569—580; Kozlov, P.K. *Journals of the Mongolia and Tibet Expedition 1923—1926*. Ed. and comp. by T.I. Yusupova, comp. by A.I. Andreyev. Senior ed. A.V. Postnikov. In *Scholarly Heritage*. Vol. 30. SPb., 2003.

³⁷ 梅原末治 Umehara Sueji. 蒙古ノイン・ウラ發見の遺物 Мōко Ноин-Ура хаккэн-но ибуцу (*Archaeological Finds in Noyon Uul in Outer Mongolia*) // 東洋文庫論叢 Тōё бунко ронсō (*Collection of Research Works of the Oriental Library*). Vol. 27. 1960.

³⁸ See Umehara Sueji. 考古學六十年 Кōкогаку рокудзюнэн (*60 Years of Archaeology*). Tokyo, 1973, pp. 83, 104—111, 122—125, 149—155.

³⁹ 俄羅斯國立艾爾米塔什博物館藏敦煌藝術品 *Art relics from Dunhuang kept in the State Hermitage Museum, Russia*. Vol. 6,